

РЕЛИГИОЗНОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОТЕСТАНТСКАГО ЗАПАДА.

Если таково отношеніе протестантскаго запада къ понятію о грѣхѣ, то само собою ясно, что и воззрѣнія протестантовъ на будущую жизнь и безсмертіе души человѣка не могли избѣжать современнаго, почти общаго настроенія, что эти воззрѣнія суть фикція, прелестная фантазія въ церковномъ вѣроученіи протестантства. Еще Гебгардтъ ¹⁾ указалъ, что, при посѣщеніи больныхъ, онъ не нашелъ ни малѣйшаго указанія на чаяніе иной жизни, не нашелъ даже капли христіанскаго сознанія и пониманія о безсмертіи въ смыслѣ церковнаго протестанскаго ученія. И это указаніе Гебгардта вполне подтверждаетъ вся современная жизнь протестантства: въ ней мы не найдемъ и слѣда того христіанскаго упованія, съ какимъ Апостолъ желалъ-бы „разрѣшиться и быть со Христомъ“ ²⁾ не найдемъ слѣда и о страхѣ предстать предъ судомъ Божиимъ: и это христіанское упованіе, и этотъ страхъ давно и у всѣхъ протестантовъ совершенно исчезли. Слова Апостола: „Людямъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“ ³⁾ никого уже не утрашаютъ: страшатся болѣе предсмертныхъ, физическихъ страданій, а не суда Божія. Поэтому внезапная смерть, безъ всякаго вниманія на христіанскую готовность къ смерти и раскаянія во грѣхахъ, у всѣхъ считается прекрасной и завидной смертью. Въ настоящее время, если-бы кто сталъ проповѣдывать публично предъ высшими и низшими классами истину безсмертія, будетъ или просто осмѣянъ, или-же сочтенъ за

---

¹⁾ Цит. соч. Стр. 338 и дал.

²⁾ Филип. I. 23.

³⁾ Евр. IX. 21.

глупца или ненормальнаго субъекта. Отвѣты, полученные пасторомъ Раде, совершенно ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. „Быстрая смерть—самая лучшая смерть; въ жизнь послѣ смерти—вѣрять лишь очень и очень немногіе, вѣрнѣе, почти никто“. „Человѣкъ—земля и возвращается въ землю, изъ которой постоянно развиваются новыя живыя существа“. „Жизни послѣ смерти нѣтъ. Да и въ какомъ видѣ можетъ она продолжаться? Гдѣ она должна существовать? Духовная дѣятельность умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ“. „Жизни послѣ смерти нѣтъ, еслибъ что-либо такое было, то это прямо ужасно“. „Смерть ужасна сама по себѣ, и это ужасное, конечно, потеряло-бы свой ужасъ, если-бы можно было твердо вѣрить въ дальнѣйшую духовную жизнь послѣ смерти. Но какъ я не вѣрю въ Бога, такъ же не вѣрю и въ жизнь послѣ смерти. Умеръ—и этимъ все кончено; хотя это очень-очень неутѣшительно“.—Изъ этихъ отвѣтовъ мы ясно видимъ, что, отчасти, вліяніе натурализма убило всякое пониманіе того, что нельзя доказать экспериментальной очевидностью, а, отчасти, такъ же и социаль—демократическія рѣчи и сочиненія о достижимости рая на землѣ совершенно заглушили духовныя стремленія протестантскаго міра ¹⁾. Да и вообще нужно сказать, что суевѣрія играютъ огромную роль у всѣхъ классовъ протестантизма. Въ этомъ убѣждаютъ насъ то и дѣло всплывающіе процессы, въ которыхъ часто замѣшаны даже знатнѣйшіе и образованнѣйшіе изъ протестантскаго общества. Нашимъ публицистамъ, съ ихъ неистовыми обвиненіями въ суевѣріи русскаго общества, не мѣшало-бы не закрывать свои глаза предъ ихъ излюбленнымъ идоломъ—Западомъ. Благодаря Бога, въ Россіи еще не оказалось легковѣрныхъ, чтобы они послѣдовали за новымъ христомъ, а на Западѣ не обошлось и безъ этого. Въ 1899-мъ году въ Голландіи появился христосъ, за которымъ послѣдовала масса лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества, и только варварское убійство этимъ христомъ не вѣрующаго въ него, положило конецъ его дѣятельности и новый христосъ попалъ на судъ, хотя и не къ Пилату.

¹⁾ Нѣкоторые отголоски вѣры въ безсмертіе у протестантовъ можно находить лишь въ проявленіи массы суевѣрныхъ представленій и разсказовъ о привидѣніяхъ, вѣдьмахъ и мертвецахъ. См. В. И. Штудемундъ. Цит. соч. Стр. 55—57.

Мы уже упоминали, что Раде въ разосланныхъ имъ вопросахъ не помѣстилъ вопроса о молитвѣ. И намъ думается, что онъ это сдѣлалъ въ той мысли, что спрашивать объ этомъ бесполезно, такъ какъ молитва давно вышла изъ употребленія у протестантовъ. Если прежде протестантскій глава семейства ежедневно собиралъ свою семью утромъ и вечеромъ для молитвы, то въ настоящее время это стало лишь исключеніемъ среди единичныхъ фамилій. Да и на эту молитву нельзя смотрѣть какъ на молитву въ собственномъ смыслѣ слова: здѣсь есть лишь заученное повтореніе утренней и вечерней молитвы безъ всякаго участія сердца, т. е. простое соблюденіе формы въ силу привычки. Насколько молитва утратила свой смыслъ и значеніе у протестантовъ, можно судить уже потому, что если вы спросите кого-либо изъ низшихъ, да даже и изъ среднихъ классовъ, что они думаютъ, когда говорятъ: „да святится имя Твое, да прійдетъ царствіе Твое“, то вы не получите на этотъ вопросъ никакого отвѣта. А если вы спросите: о чемъ-же вы молитесь? то получите отвѣтъ: о земныхъ благахъ, о здоровьѣ, объ облегченіи страданій и избавленіи отъ нужды; но ни слова не услышите о терпѣливомъ несеніи своего креста, о смиренномъ преклоненіи себя предъ волей Божіей, о помощи въ борьбѣ съ искушеніями, о молитвѣ за общество, за всѣхъ христіанъ, за родныхъ и дѣтей. Что частная молитва среди семьи, или въ одиночествѣ, превратилась у протестантовъ лишь въ мертвую форму прекрасно подтверждаетъ свидѣтельство Гёре ¹⁾. Гёре рассказываетъ, что двое фабричныхъ рабочихъ сказали ему, что они ежедневно читаютъ „Отче нашъ“, такъ-какъ безъ этого они не могутъ заснуть, хотя они прекрасно сознаютъ и убѣждены, что молитва совершенно бесполезна и не приноситъ никакой помощи. Итакъ, въ данномъ случаѣ молитва протестантовъ есть не болѣе какъ „hogger vasu“, страхъ извѣстной пустоты въ обыденномъ обиходѣ жизни. Въ другомъ мѣстѣ своей книги ²⁾ Гёре свидѣтельствуетъ, что ему прямо заявили, что мода на молитву прошла, что молитва устарѣлое явленіе и къ нынѣшнему времени совершенно не подходитъ. И, дѣй-

---

¹⁾ Цит. соч. Стр. 173 и 186.

²⁾ Стр. 183.

ствительно, чѣмъ больше распространяется, подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ, вражда къ христіанству, чѣмъ больше она захватываетъ женщинъ, тѣмъ менѣе можно замѣчать въ протестантствѣ прекрасный обычай дѣтской молитвы предъ отходомъ ко сну подъ руководствомъ матери. Этотъ прекрасный обычай въ протестантствѣ также отходить въ вѣчность, что-бы не сказать отошелъ уже въ вѣчность.

Съ потерей истиннаго значенія и пониманія молитвы, протестанты утратили и пониманіе значенія тѣхъ таинствъ, какія остались у нихъ, т. е. крещенія и причащенія. Причиной, послужившей довольно ощутительно на сокращеніе церковнаго крещенія, было введеніе гражданскаго законодательства о бракахъ и рожденіяхъ, по которому дѣти считались законными безъ церковнаго вѣнчанія, и родители, по своей волѣ могли крестить своихъ дѣтей или не крестить. Начиная съ 1876-го года число церковныхъ крещеній постепенно, какъ показываетъ статистика, сокращается. Этотъ законъ всего лучше пришелъ на помощь раціонализму и социаль-демократіи и сталъ какъ-бы оправданіемъ для этихъ міровоззрѣній. Крещенія, прежде совершавшіяся на второй или третій день, стали постепенно откладываться на неопредѣленное время; потомъ, появилась іезуитская отговорка: какъ крестить ребенка, когда не знаемъ какая религія придется ему самому по вкусу, какъ это видно изъ отвѣтовъ Раде: „неразумно возлагать обязательство на ребенка, когда никто не можетъ даже и думать объ его позднѣйшихъ воззрѣніяхъ“. Должность воспріемниковъ потеряла свое прежнее значеніе—воспитать ребенка въ христіанствѣ, превратилась въ простую формальность, а самое крещеніе стало для большинства лишь простой церемоніей, такъ-какъ почти никто не признаетъ за крещеніемъ—второго—духовнаго рожденія, освобожденія отъ грѣха и власти діавола. И если крещеніе еще не такъ быстро сокращается въ протестантизмѣ, то это нужно приписать тому, что лица не крещенныя не могутъ занимать никакого мѣста ни въ государственной, ни въ общественной службѣ. Отвѣты, присланные Раде, какъ нельзя лучше подтверждаютъ это: „что дѣлать? нужно крестить, чтобы не повредить дѣтямъ въ будущемъ“. Не мало вины и на сторонѣ самой протестантской

церкви, особенно въ большихъ городахъ. Кто присутствовалъ при тѣхъ массовыхъ крещеніяхъ, которыя совершаются въ большихъ городахъ, тотъ сильно разочаруется въ достоинствѣ крещенія и не получитъ иного впечатлѣнія, кромѣ нравственной тошноты, чего не отрицаютъ и сами пасторы. У низшихъ классовъ крещеніе часто не совершается прямо изъ за денегъ: тамъ, гдѣ приходится бояться за каждую полкопѣйку, пятирублевый расходъ на церковное крещеніе является непосильной тяжестью, а для дарового крещенія—въ особо назначенные немногіе дни—нѣтъ времени. Такъ ребенокъ и остается, а часто и умираетъ некрещеннымъ. Это особенно нужно поставить въ упрекъ протестантскому духовенству: оно обезпечено жалованьемъ и все-же, по присущей нѣмецкой націи скарденности, не хочетъ отказаться отъ этого дохода.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ протестантской церкви съ причащеніемъ. Если, какъ мы указали, крещеніе еще совершается часто изъ практическихъ видовъ, то причащеніе утратило даже и эту сторону дѣла. Въ высшемъ обществѣ, въ большихъ городахъ, въ рабочихъ округахъ, да даже и среди простого народа число лицъ ежегодно приступающихъ къ причащенію крайне незначительно. И это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что протестанты совершенно утратили пониманіе этого таинства и совершенно не признаютъ за нимъ никакого дѣйствія, при которомъ причащающійся получаетъ залогъ вѣчной жизни чрезъ единеніе со Христомъ. Даже больные и тѣ совершенно не прибѣгаютъ къ этому таинству. Объяснить это суевѣріемъ, что, послѣ причащенія человекъ непременно умретъ, не возможно, но за то возможно,—по тѣмъ издѣвательствамъ и насмѣшкамъ, которыя допускаются надъ этимъ таинствомъ,—безошибочно утверждать, что это таинство въ протестантской церкви находится въ полномъ періодѣ вымиранія.

Обращаясь къ церковнымъ обрядамъ протестантизма, мы должны на первомъ мѣстѣ поставить обрядъ конфирмаціи дѣтей, по достиженіи ими 14 лѣтъ. Если здѣсь картина и не будетъ такъ темна, какъ при причащеніи, если здѣсь еще протестантская церковь является силой, оказывающей сильное вліяніе на своихъ питомцевъ, заставляющей произносить ихъ торжественную клятву вѣрности протестантизму, то

это все-же не признакъ внутренней, идейной крѣпости протестантизма, а лишь признакъ обнаруженія дисциплинарнаго воздѣйствія церкви на общество и признакъ ловкаго способа поживиться на счетъ этого дѣйствія. Не будетъ удостоенъ ребенокъ конфирмаціи, не можетъ онъ и быть полноправнымъ членомъ общества: и вотъ волей неволей ему приходится зубрить всѣ пункты протестантизма, чтобы не быть постражденнымъ на конфирмаціи. Но ребенокъ, не смотря на всѣ усилія, не можетъ зазубрить все: что тогда дѣлать? Слѣдовать примѣру высшихъ и богатыхъ классовъ, т. е. приглашать пастора для частныхъ занятій по религіи на дому. Тогда дѣло конфирмаціи сойдетъ какъ по маслу. Картинка вполне напоминающая нашу практику съ древними языками въ гимназіяхъ. А какъ мало значитъ теперь эта конфирмація въ глазахъ народа, видно изъ того, что никто въ жизни не исполняетъ правилъ, внушаемыхъ при конфирмаціи, что особенно ясно будетъ нами показано далѣе въ отдѣлѣ о нравственномъ состояніи и нравственныхъ воззрѣніяхъ протестантизма. Поэтому, какъ видно изъ отвѣтовъ Раде, конфирмація подвергается особеннымъ нападкамъ со стороны всѣхъ слоевъ общества и въ особенности за клятву вѣрности протестантизму. „Конфирмацію, поскольку она выходитъ за придѣлы школьнаго обученія религіи и требуетъ клятвы вѣрности протестантизму, котораго дѣти еще вполне и не могутъ оцѣнить, мы считаемъ дѣломъ искусственнымъ“, гласятъ многочисленные отвѣты Раде. „Принудительное требованіе подтверждать дѣтей и заставлять ихъ произносить не понимаемую ими клятву—дѣло безчестное“, говорятъ другіе. Указываются также въ этихъ отвѣтахъ и вышеупомянутыя злоупотребленія и требуется существенное измѣненіе конфирмаціи, но разсчитывать, что протестантская церковь приметъ во вниманіе эти голоса, совершенно невозможно: она крѣпко держится за этотъ институтъ и не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ.

Что мы ранѣе сказали относительно вліянія гражданскаго закона на крещеніе, то-же самое имѣетъ значеніе и по отношенію къ браку. Съ изданіемъ закона о гражданскомъ бракѣ, число церковныхъ браковъ значительно сократилось, а число гражданскихъ браковъ очень возросло. Но все-же нельзя сказать, что церковный бракъ подвергся осмѣянію,

и если къ нему не приступаютъ, то лишь чисто по практическимъ соображеніямъ и въ силу препятствій со стороны самой церкви. Такса за церковное вѣнчаніе довольно высока, такъ-что человѣку съ среднимъ достаткомъ невольно приходится считаться съ ней, а формальности, требуемыя церковью для вѣнчанія, и слишкомъ неопредѣленны, и отчасти затруднительны и мелочны, такъ-что чтобы избѣжать ихъ, часто прибѣгаютъ къ угрозѣ, что не будутъ вѣнчаться въ церкви, если эти формальности не будутъ отложены въ сторону. И, говоря по правдѣ, эти формальности въ протестантизмѣ прямо бессмысленны: всѣ формальности эти до мелочности выполняются при гражданскомъ заключеніи брака, и только тогда уже выдается свидѣтельство желающимъ для церковнаго вѣнчанія, въ которомъ обозначены всѣ данныя, необходимыя при церковномъ бракѣ. Къ чему же эта придирчивость и формализмъ въ видѣ требованія вновь всѣхъ тѣхъ документовъ, которые предъявлены и оставлены уже у чиновника гражданского состоянія, и требованіе трехънедѣльнаго срока для оглашенія? Это прямо не понятно, не имѣетъ иного смысла, какъ во что-бы то ни стало заруднить церковное вѣнчаніе. А между тѣмъ, не смотря на то, что современное протестантское общество отрицаетъ всѣ церковныя обряды и формы, церковный бракъ до сихъ поръ, даже въ рядахъ социаль-демократіи, пользуется значительнымъ авторитетомъ, ему (браку) даже придается особенное значеніе и здѣсь не сказывается той вражды къ церкви, какъ ко всѣмъ прочимъ ея установленіямъ. „Церковное вѣнчаніе еще долго сохранить свое значеніе, потому что всякая другая форма вѣнчанія не принимаетъ во вниманіе спокойствіе души человѣка (Gemüt), тогда какъ, при столь важномъ актѣ, какъ вѣнчаніе, это спокойствіе прямо неизбѣжное требованіе“, гласятъ отвѣты социаль-демократовъ Раде. Въ виду такого сознанія значенія брака даже у социаль демократовъ, мы позволимъ себѣ краткій разборъ возрѣній на бракъ вождя социаль-демократіи Бебеля, высказанныхъ въ его книгѣ „Женщина и христіанство“, такъ какъ эти возрѣнія и оказали и оказываютъ нѣкоторое вліяніе какъ на рабочій, такъ и на другіе классы протестантизма. Прежде всего, стараясь пропагандировать натуралистическое міровоззрѣніе, Бебель утверждаетъ, что каждый имѣетъ

право, даже обязанъ, удовлетворять свое половое влеченіе, что каждый мужчина и всякая женщина, если они не чувствуютъ, потеряли расположеніе другъ къ другу, имѣютъ право прервать свое сожитіе и сойтись съ другими, такъ-какъ въ этомъ случаѣ они поступаютъ болѣе нравственно, чѣмъ если останутся жить другъ съ другомъ ¹⁾. Помимо уже устарѣлости этого воззрѣнія, высказаннаго еще за столѣтіе до Бебеля, я все-же думаю, насколько я лично знаю Бебеля, что самъ Бебель лучше, чѣмъ его воззрѣнія, и что онъ, если-бы кто изъ высшихъ классовъ поступилъ по его совѣту, не нашелъ-бы достаточно словъ, чтобы публично заклеймить этотъ порокъ и позоръ. Самъ Бебель стоитъ гораздо сильнѣе подъ вліяніемъ морали, чѣмъ какъ онъ говоритъ, и это тѣмъ болѣе печально, что этотъ знатокъ человѣка и своего рода все-же строгій моралистъ, злоупотребляетъ своимъ вліяніемъ и старается разрушить у другихъ то, что онъ самъ глубоко цѣнитъ, въ силу яко-бы какой-то высшей морали. Въ своей книгѣ онъ обвиняетъ также христіанство въ томъ, что оно проповѣдуетъ презирать женщину, считать ее „дьявольскимъ сосудомъ“, что лучшее положеніе женщины создано не христіанствомъ, а борьбой человѣческой культуры съ христіанскимъ воззрѣніемъ. И эти свои мысли онъ старается подтвердить ссылкой на то, что основатель христіанства, будто-бы, вышелъ изъ еврейской секты, проповѣдующей воздержаніе отъ женщины и оскотленіе себя, дабы не впасть въ грѣхъ. Это-же ученіе о женщинѣ, какъ рабѣ своему мужу, будто-бы проповѣдывали и Апостолы Петръ и Павелъ, нѣкоторые изъ церковныхъ учителей, какъ Тертуллианъ, называвшій женщину „вратами въ адъ“, и Оригенъ, считавшій „бракъ чѣмъ-то грѣховнымъ, нечистымъ и средствомъ для удовлетворенія похоти“, это-же, будто-бы, ученіе вполне содержитъ и церковь христіанская, возвѣщающая женщинѣ при вѣнчаніи, что она должна бояться своего мужа, запрещающая бракъ духовнымъ лицамъ (въ католичествѣ) и возводящая аскетизмъ на степень высшей добродѣтели. Конечно, если Бебель имѣетъ въ виду ученія католической церкви, да отчасти и протестантской,

---

¹⁾ Церковь, социаль-демократія, христіанство. Мысли протестантскаго духовнаго лица. Стр. 74—70. Берлинъ. 1897.

о бракѣ, то онъ правъ отчасти: церковное ученіе этихъ направлений христіанства во многомъ разнится съ ученіемъ Евангелія; если-же онъ нападаетъ на Евангельское ученіе, то онъ вполнѣ извращаетъ его. Прежде всего, тотъ, кто знакомъ съ Евангеліемъ, прямо удивить, что Христосъ не повѣдывалъ этого воздержанія и оскотченія, не училъ о преимуществѣ и господствѣ одного пола надъ другимъ, но всѣмъ даровалъ одни и тѣже права—быть дѣтьми Божиими¹⁾, и въ частности высказалъ столь высокій взглядъ на бракъ²⁾ и на женщину³⁾, что всѣ эти утвержденія Бебеля не болѣе какъ намѣренное извращеніе ученія христіанскаго, а не дѣйствительное желаніе безпристрастно обсудить и выяснить истинное положеніе дѣла. Если-бы въ христіанствѣ дѣло обстоило именно такъ, какъ говоритъ Бебель, то какъ объяснить тотъ фактъ, что женщины съ великимъ воодушевленіемъ приняли и принимаютъ христіанство, въ немъ находили и находятъ высшую свободу для себя и ничуть не считаютъ себя ниже мужчины, а тѣмъ болѣе рабой мужчины? Очевидно, Бебель лишь произвольно и слѣпо хватается за отдѣльныя фразы христіанства и на нихъ хочетъ утвердить свой выводъ, а не на истинномъ смыслѣ христіанства. И такой его выводъ нисколько не лучше вывода нашей жидовской прессы, гдѣ, наприм., устами какого-то Антропова — въ „Новостяхъ“ возвѣщаются такіа-же точно истинны: церковь отдаетъ женщину въ рабство и тираннію мужу: онъ можетъ бить, увѣчить жену и никто не въ правѣ препятствовать ему въ этомъ, такъ какъ это его право освящено де церковью. Да, конечно, это право освящено подобными невѣждами, какъ Антроповъ, но никакъ не церковью, которая, освящая бракъ въ таинствѣ, какъ союзъ любви и совершенства⁴⁾, меньше всего думаетъ о какомъ-либо подчиненіи женщины мужинѣ, считаетъ ихъ во всемъ равными другъ другу предъ Богомъ и людьми, такъ-какъ они одинъ духъ и одно тѣло, а ихъ отношенія другъ къ другу должны быть лишь отношеніями любви, которая не знаетъ ни пре-

1) См. Мѣ. XXV, 24—27. Мѣ. XIX. 6. Іоан. XIII. 14.

2) Мѣ. V. 31—32.

3) Іоан. VIII. 7. Лук. VII, 37—50.

4) Колос. III. 14.

возношенія, ни гордости, ни обиды, ни рабства, но лишь знаетъ, что тотъ истинный ея послѣдователь, кто душу свою положить за други своя. Впрочемъ, почему въ жидовской газетѣ и не лягнуть церковь: вѣдь за нее никто не вступится; а вотъ, чтобы лягнуть гражданскій законъ, позволяющій издѣвательство мужа надъ женой, если только оно не дошло до членовредительства, это не въ нашихъ жидовскихъ интересахъ: еще пожалуй въ кутузку посадятъ. — Если Бебель въ своей книгѣ ссылается также на ученіе Апостоловъ и нѣкоторыхъ учителей Церкви, то эта его ссылка тоже не высокаго качества. Тотъ, кто знакомъ съ посланіями Апп. Петра и Павла, увидить, что ссылка Бебеля лишь искусный фокусъ, а не дѣйствительная истина ¹⁾. И потому Бебель, усвоивъ себѣ кантовское опредѣленіе „мущина и женщина—суть совокупность человѣческой сущности“, забываетъ слова Спасителя ²⁾, сказанныя задолго до Канта. Не высокой цѣны и ссылка Бебеля на монтанистическія воззрѣнія Тертулліана и на крайнія Оригена: ихъ воззрѣнія не приняты церковью и остаются воззрѣніями частныхъ лицъ. Почему-же не существовать и такимъ частнымъ воззрѣніямъ? Вѣдь и у социаль-демократіи не мало такихъ крайнихъ воззрѣній, не согласныхъ съ общей программой этой партіи, но социаль-демократія вовсе не хочетъ считать ихъ обязательными для всѣхъ. Значить, что позволяется мыслить отдѣльнымъ лицамъ теперь, то нельзя отнять свободу мысли и у частныхъ лицъ прошлаго времени.

Грубое извращеніе исторической дѣйствительности со стороны Бебеля и его утвержденіе, что Христосъ проповѣдывалъ скопчество и аскетику. Христосъ училъ, что и мущина и женщина равны предъ Богомъ, что нѣтъ никакихъ различій по состоянію и положенію, что всѣ обязаны служить другъ другу, а не возвышать себя другъ предъ другомъ, слѣдовательно, о какой-либо власти мужа надъ женой не можетъ быть и рѣчи, и это свое ученіе Христосъ засвидѣтельствовалъ на дѣлѣ: у Него были не одни ученики, но и ученицы. Слѣдовательно, Онъ столько-же цѣнилъ мужчинъ, какъ и женщинъ. Мало того, когда привели

¹⁾ См. 1 Петр. I. 40. Галат. III. 26—28.

²⁾ Мат. XIX. 6.

къ Нему блудницу, какъ будто она одна была повинна въ грѣхѣ, нечистая и искусительница, Онъ сказалъ обвинителямъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, пусть бросить въ нее первый камень“ ¹⁾, и этимъ показалъ, что вина не на одной лишь сторонѣ женщины, но и мужчины. А кто еще прочтетъ, что Христосъ среди вечери беретъ подъ свое покровительство грѣшную жену²⁾, тотъ не только пойметъ, что всѣ эти утвержденія Бебеля небылица, но и увидитъ, что Христосъ, присутствующій на бракѣ въ Канѣ Галилейской, неоднократно принимавшій участіе въ пирѣ богачей, не отвергнувшій помазаніе Себя драгоценнымъ мѣромъ, терпѣвшій упреки со стороны противниковъ, что Онъ принимаетъ грѣшниковъ, ѣстъ, пьетъ съ ними, и проводитъ жизнь не съ аскетами, питающимися растеніями, медомъ и водой, а съ мытырями и грѣшниками, не былъ и не могъ быть аскетомъ; а тѣмъ болѣе не могъ быть проповѣдникомъ крайнихъ аскетическихъ воззрѣній на женщину и на жизнь, проповѣдникомъ строгаго воздержанія иногда, какъ у Оригена, преувеличеннаго до скопчества. Такую аскетику церковь отрицала и отрицаетъ, какъ не имѣющую основанія ни въ жизни Спасителя, ни въ Его ученіи. Если-же Христосъ и не учредилъ аскетическаго направленія жизни, но тѣмъ не менѣе церковь приняла аскетовъ въ число своихъ членовъ, то этимъ лишь указывается, что церковь никого не стѣсняетъ въ выборѣ средствъ для своего спасенія. Страшитъ кто-либо спастись въ мірѣ, находитъ для себя за лучшее вести уединенную, аскетическую жизнь, церковь не осуждаетъ это направленіе и позволяетъ его, предоставляя полную свободу личности въ дѣлѣ духовнаго самосовершенствованія. И, въ этомъ отношеніи, православная церковь особенно ясно выразила свой взглядъ на аскетику, когда устами своихъ святыхъ людей и аскетовъ выразила: „не спасутъ черныя ризы человѣка“, и этимъ прямо указала, что аскетика, какъ внѣшняя форма проявленія, ни мало не полезна, если она не соединяется съ аскетикой внутренней.

Изъ этого, само собой понятно, что, если Бебель въ своей

¹⁾ Іоан. VIII, 7.

²⁾ Лк. VII, 37—50.

книгѣ проповѣдуетъ, что христіанство есть религія строгаго воздержанія и презрѣнія къ женщинѣ и сражается съ этимъ, то онъ самъ находится въ заблужденіи и не замѣчаетъ, что проповѣдуетъ старыя истины христіанства, будто-бы имъ самимъ лишь открытыя. Еще менѣе замѣчаетъ онъ, что его мысли о свободномъ прекращеніи брака и полной половой свободѣ совсѣмъ не пользуются авторитетомъ у его послѣдователей, которые, въ отвѣтахъ присланныхъ Раде, не только отрицаютъ эту легкость разрыва брачныхъ узъ, но называютъ бракъ „хорошимъ, прекраснымъ, совершеннѣйшимъ учрежденіемъ на землѣ, высшимъ счастіемъ, частью неба на землѣ, раемъ, радостью и любовью въ ихъ высшемъ проявленіи нашего земного бытія“. Итакъ, приходится невольно сказать Бебелю, по поводу его книги: „своя своихъ не познаша“.

Впрочемъ, нужно сказать, что если Бебель и нападаетъ на бракъ, какъ на средство подчиненія женщины мужчинѣ, то въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду современное положеніе протестантской женщины, буквально поработанной даже до мелочей мужу, а равно и шаткость тѣхъ воззрѣній протестантства на бракъ, какъ эти воззрѣнія выражены Лютеромъ. Лютеръ не смотрѣлъ на бракъ какъ на нѣчто высшее, чѣмъ чувственное требованіе того и другого пола, признавалъ это чувственное требованіе наслѣдіемъ первороднаго грѣха и не могъ отрѣшиться отъ привитаго ему католичествомъ воззрѣнія, что бракъ есть грѣхъ, разрѣшаемый лишь во избѣжаніе вспышекъ похоти, и что высшую цѣну имѣетъ безбрачіе и воздержность, хотя-бы изрѣдка и нарушаемая человѣкомъ. И этотъ свой взглядъ Лютеръ проводилъ такъ далеко, что считалъ возможнымъ и допустимымъ второй бракъ, при живой женѣ, какъ онъ это и разрѣшилъ въ 1539 году Ландграфу Гессенскому, а равно считалъ возможнымъ и даже законнымъ, чтобы мужъ, неспособный къ брачной жизни, самъ нашелъ женѣ подходящаго субъекта для удовлетворенія ея чувственности¹⁾. При такомъ взглядѣ на бракъ со стороны этого реформатора,

---

¹⁾ Х. Шремфъ. Мартинъ Лютеръ, переведенный съ христіанскаго на человѣческое. Стр. 110—115. Штутгардтъ. 1901. Martin Luther aus dem Christlichen in's menschliche übersetzt.

весьма понятно, что бракъ въ протестантствѣ, утративъ силу таинства, обратился въ простую церковную форму закрѣпленія женщины мушнѣ, противъ чего и возстаетъ Бебель, смѣшивая протестантское воззрѣніе на бракъ съ дѣйствительно христіанскимъ воззрѣніемъ на тотъ-же предметъ.

Если введеніе закона о гражданскомъ состояніи способствовало отмѣнѣ платы за крещеніе и вѣнчаніе во многихъ мѣстахъ Германіи, то эта плата осталась всюду не отмѣненной за погребеніе, которое оплачивалось всѣми и въ селахъ и городахъ безпрекословно. Гебгардтъ даже утверждаетъ ¹⁾, что чувства народа въ этомъ отношеніи всецѣло на сторонѣ церковнаго погребенія, и что, поэтому, плата за него не играла никакого вліянія на число церковныхъ погребеній. Съ мнѣніемъ Гебгардта, что плата не имѣла вліянія на количество церковныхъ погребеній, я, пожалуй, согласенъ, но съ его утвержденіемъ, что чувство народа всецѣло на сторонѣ церковнаго погребенія, я не могу согласиться. Прежде всего, изъ личнаго знакомства, я знаю, что дѣти большею частью погребаются безъ участія пастора, а это уже не говоритъ за то, что протестантскій народъ стоитъ за церковное погребеніе. И это мое наблюденіе всецѣло подтверждается отвѣтами, полученными Раде на этотъ вопросъ. Изъ этихъ отвѣтовъ мы можемъ ясно усматривать, что обычай церковнаго погребенія подвергается рѣзкой критикѣ изъ всѣхъ классовъ протестантскаго общества. Вотъ нѣсколько отвѣтовъ по этому вопросу. „Быть можетъ, иной и получить утѣшеніе при погребеніи чрезъ соболѣзнованіе пастора, но я долженъ сказать, что меня просто бѣсятъ погребальныя рѣчи пасторовъ: онѣ равно чужды, какъ усопшему, такъ и оставшимся послѣ него. Прямо исключеніе, если пасторъ скажетъ то, что нужно сказать; еще болѣе исключеніе, чтобы его рѣчь была пріятна оставшимся, такъ-какъ рѣдко кто охотно готовъ выслушать истину“. „Погребеніе съ участіемъ пастора возмущаетъ меня: это прямо безобразіе и издѣвательство“. „Я никогда не слыхалъ и не замѣчалъ, чтобы оставшіеся получили утѣшеніе въ скорби чрезъ рѣчь, хотябы и хорошую, пастора“. „Рѣчь пастора при погребеніи для меня самое отвратительное, что я только могу представить,

1) Цит. соч. стр. 337.

если даже пасторъ и не беретъ никакого вознагражденія за нее. Ужъ если нужно для оставшихся присутствіе пастора, то почему онъ, вмѣсто своей рѣчи, не произнесетъ молитву, прошеніе объ утѣшеніи оставшихся и не позаботится, гдѣ возможно, оказать практическую помощь. Это все-же, быть можетъ, сгладитъ отвращеніе къ его присутствію при погребеніи“. Изъ приведенныхъ отвѣтовъ, кажется, ясно, что чувство народа далеко не на сторонѣ церковнаго погребенія и особенно не на сторонѣ погребальныхъ рѣчей пасторовъ, каковыя рѣчи собственно и составляютъ сущность протестантскаго обряда погребенія. И если нѣкоторые пасторы придаютъ погребальнымъ рѣчамъ огромное значеніе — въ смыслъ привлеченія къ христіанству родныхъ и присутствующихъ при погребеніи, то, кажется, они добросовѣстно заблуждаются: тотъ вредъ, какой происходитъ отъ критики ихъ рѣчей, не окупается той пользой, на какую рассчитаны эти рѣчи, довольно часто, притомъ, въ самихъ себѣ носящая основательный поводъ для критики.

Но если, какъ мы указали, отъ протестантизма, созданнаго Лютеромъ, на дѣлѣ остается очень малое, то интересно познакомиться, какъ теперешній протестантскій народъ смотритъ на личность своего основателя и на его дѣло. Протестантскіе историки и либералы создали изъ личности Лютера чуть не генія и имъ вторили и вторятъ наши—слѣпые послѣдователи нѣмецкой науки и либерализма. Кто изъ насъ не читалъ хвалебныхъ одъ Лютеру? Восхваляютъ его и какъ творца свободы совѣсти, и какъ освободителя отъ папскаго ига, и какъ мужественнаго борца за человѣческую свободу, и какъ жизнерадостнаго человѣка, слова котораго: „кто не любитъ вина, женщинъ и пѣнія—тотъ дуракъ на всю жизнь“ стали ходячей монетой въ полуобразованныхъ кругахъ общества. Далеко иной взглядъ господствуетъ на Лютера въ средѣ народной и въ средѣ рабочаго класса. Простой народъ и рабочій классъ настроены прямо враждебно противъ Лютера: они не знаютъ за нимъ никакой иной роли, кромѣ какъ угнетателя народа, реформатора, потрясшаго нравственные устои жизни, провозвѣстника абсолютизма княжеской власти, теолога-буржуа, который стремился не къ истинѣ, а къ упроченію и утвержденію буржуазныхъ правъ въ ущербъ народу. Лютеръ, по воззрѣніямъ народа и рабочаго класса,

тиранъ и кровопійца, внушавшій князьямъ, что жестокость—единственное средство удержать народъ въ повиновеніи, что народу не нужно дѣлать никакихъ послабленій, не нужно давать образованія и правъ, но нужно смотрѣть на него лишь какъ на рабочую силу, обязанную служить абсолютизму властителей. Всѣ права,—и физическія, и нравственныя,—излишняя роскошь для народа: онѣ принадлежать лишь владѣтелямъ, которые и могутъ пользоваться ими по произволу, могутъ ограничивать и мѣнять ихъ и пользоваться ими по своему усмотрѣнію. Что такой взглядъ народа и рабочаго класса имѣетъ за себя историческую правду—отрицать нельзя, да это не отрицаютъ и безпристрастные историки. Для нихъ не тайна страстные требованія Лютера, разосланныя князьямъ и владѣтелямъ, бить и истреблять какъ дикихъ звѣрей подлыхъ и бездѣльныхъ крестьянъ, не тайна и то, что Лютеръ все разрѣшалъ владѣтелямъ до двоеженства включительно (Филиппу Гессенскому) и все, кромѣ низжайшаго повиновенія и безпредѣльной почтительности, воспрещалъ народу. И трезвый взглядъ народа и рабочаго класса на Лютера является не новостью, а лишь подтвержденіемъ фактическихъ и исторически-правдивыхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій о Лютерѣ. Понятно, что, при такомъ возрѣніи на Лютера, народъ и рабочій классъ далеки и отъ хвалебныхъ гимновъ дѣлу Лютера—реформаціи. За ней они не признаютъ никакого особеннаго значенія, какъ это стараются сдѣлать либералы-историки, и приписываютъ реформаціи лишь слѣдующую цѣну въ отвѣтахъ, присланныхъ Раде: „Реформація—бабья болтовня для поповъ и денежный вопросъ для князей и владѣтелей (конфискація церковныхъ и частныхъ земель и имуществъ)“. И, если судить по совѣсти, такой взглядъ народа и рабочаго класса не такъ ужъ далекъ отъ истины, какъ кажется на первый взглядъ. Самъ народъ въ дѣлѣ реформаціи не игралъ никакой роли: реформація была ему навязана и была полезна единственно лишь духовенству и князьямъ и владѣтелямъ. Приписывать реформаціи особое вліяніе въ дѣлѣ просвѣщенія средне-вѣковаго міра исторически нельзя: это движеніе началось почти за столѣтіе ранѣе и сама реформація обязана своимъ появленіемъ этому движенію, а не оно ей. Если-бы католицизмъ не былъ столь нетерпимъ къ этимъ

проблескамъ человѣческой мысли и во время отрѣшился отъ своего абсолютизма и косности, то не явилась-бы и реформація съ ея кровавыми жертвами, и человѣчество шло бы по пути развитія безъ потоковъ крови. И привѣтствовать реформацію, какъ новую эру въ исторіи, приписывать ей богатые плоды въ дѣлѣ умственнаго развитія народовъ—исторически не возможно: это преувеличеніе и натяжка, а не историческая правда.

Безнадежное религіозное состояніе современнаго протестантскаго запада естественно заставляетъ насъ, въ заключеніе нашего очерка коснуться еще нравственнаго состоянія и нравственныхъ воззрѣній протестантизма. И въ данномъ отношеніи намъ приходится совершенно безпристрастно лишь констатировать тотъ фактъ, что съ потерей религіознаго сознанія—много потеряли и сама нравственность и нравственные воззрѣнія протестантовъ. Не малое влияніе оказала въ данномъ отношеніи на протестантское общество та масса сочиненій, усердно распространяемыхъ среди народа и социаль-демократіей, и натуралистами, и представителями этическихъ обществъ, въ которыхъ внушается и доказывается, что нравственность, нравственные воззрѣнія не имѣютъ никакой связи съ религіей, что нравственность и нравственные воззрѣнія извѣстнаго времени—есть лишь слѣдствіе экономическихъ условій этого времени, что всѣ проступки, пороки и преступленія—суть результатъ печальнаго экономическаго состоянія народа, и съ улучшеніемъ этихъ экономическихъ условій исчезнутъ сами собой. И такое одностороннее воззрѣніе,—обнаруживающее свою несостоятельность уже самою своею узостью, не принимающей въ расчетъ другихъ факторовъ морали, какъ религія, государственное право и законъ, образцы изъ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народностей,—можно сказать, вошло въ плоть и кровь протестантскаго народа и почти совершенно убило нравственность и нравственные воззрѣнія, поставивъ на ихъ мѣсто лишь страхъ наказанія со стороны государства уже за слишкомъ явное нарушеніе благопристойности. И что всего удивительнѣе, такъ это то, что приверженцы этого воззрѣнія совершенно не хотятъ понять того противорѣчія, какое заключается въ этомъ воззрѣніи. Разъ мораль есть продуктъ экономическаго строя общества, а не дѣло свободы отдѣль-

наго лица, то ясно само собою, что никому нельзя и дѣлать упрековъ въ несоблюденіи морали. Не такъ поступаютъ защитники этого воззрѣнія: они не находятъ достаточно сильныхъ красокъ, чтобы бичевать не моральныя дѣйствія высшихъ и обезпеченныхъ классовъ, но вѣдь и эти классы—продуктъ экономическаго строя: за что-же тогда бичевать ихъ? И если еще можно согласиться, что, и при такомъ раціоналистическомъ и нигилистическомъ воззрѣніи на мораль, она еще въ состояніи влачить свое существованіе въ видѣ внѣшней честности у образованныхъ классовъ, то нельзя также и отрицать, что если религія у низшихъ классовъ выброшена за бортъ, то съ ней вмѣстѣ выброшена и нравственность. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полнаго вниманія слова хорошаго знатока протестантскаго народа ¹⁾: „Раціонализмъ съ его основными положеніями приличія и умѣренной службы естественнымъ похотямъ человѣка можетъ еще удовлетворить на нѣкоторое время и такъ сказать обмануть внѣшней честностью такъ называемыхъ образованныхъ лицъ, а для простого рабочаго не можетъ быть иного вывода: или религія и мораль, или-же вовсе нѣтъ ничего. И если невѣріе высшихъ классовъ еще сдерживается нѣсколько приличіемъ, то у пролетаріата, рабочихъ и фабричныхъ оно не имѣетъ иныхъ границъ кромѣ страха предъ каторжной тюрьмой“. И едвали это сужденіе можно заподозрить въ пристрастіи. Конечно, произнести окончательное, соотвѣтствующее дѣйствительности сужденіе о состояніи морали и моральныхъ воззрѣній протестанскаго запада очень трудно. Здѣсь играетъ роль и личный опытъ cadaго, и неодинаковость моральнаго уровня различныхъ классовъ общества, и своего рода легкая возможность впасть въ преувеличеніе при сравненіи современнаго моральнаго состоянія общества съ моральнымъ состояніемъ предковъ, забывая, что „дни всегда лукавы“ ²⁾, но все-же уголовная статистика наглядно даетъ понять, что если въ 1882-мъ году на сто тысячъ человѣкъ приходилось лишь 10% штрафованныхъ, то въ 1900-мъ году это число возрасло до 20%. И что всего печальнѣе, такъ это то, что

¹⁾ Бюксель. Воспоминанія изъ жизни сельскаго пастора. Т. I. Стр. 138 и дал.

²⁾ Ефес. V. 16.

эти штрафы падаютъ въ значительно большемъ количествѣ на проступки и преступленія противъ собственности. Еще печальнѣе выводы статистики относительно штрафовъ подростковъ: эти выводы за указанное время показываютъ, что штрафы возрасли на 52⁰/₀, а естественный приростъ молодого поколѣнія сказался лишь въ 13⁰/₀. Если къ этому прибавить еще, что не всѣ проступки и преступленія, какъ, на прим., оскорбленія, кражи и т. д., наказываются закономъ, потомучто большая часть ихъ, изъ нежеланія непріятностей, даже и не объявляются, то картина нравственнаго состоянія протестантскаго запада никакъ не можетъ быть названа свѣтлой. И это вполне понятно и объяснимо. На западѣ въ настоящій моментъ преобладаетъ формальная, мертвая церковность и ожидать отъ нея какого-либо вліянія на нравственный укладъ общества не возможно. Живость пониманія христіанства и его дѣйственность на внутренній строй человѣка—неоспоримы, потому что въ немъ (христіанствѣ) заключается великая мощь, способная измѣнить даже самаго дурного человѣка къ лучшему, если онъ внутренне проникнуть истинами христіанства, живетъ ими и въ нихъ находитъ для себя высшее благо. Но этой-то живости мы будемъ напрасно искать на протестантскомъ западѣ: здѣсь можно найти лишь внѣшнюю религіозность, заключающуюся во внѣшнемъ признаніи церковнаго ученія, безъ всякаго желанія самому подумать объ этомъ ученіи, въ посѣщеніи, при случаѣ, церкви и признаніи кой какихъ обрядовъ, а отъ этого ожидать какого-либо значительнаго вліянія на нравственный строй жизни протестантскаго общества весьма трудно. Протестантскій народъ руководится въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ не надеждой на вѣчную, будущую жизнь, не страхомъ вѣчнаго осужденія: эти мотивы для дѣйствій и поступковъ въ протестантскомъ народѣ давно уже исчезли, но лишь надеждой на земное благополучіе, страхомъ Божескаго наказанія здѣсь на землѣ. Но и эти мотивы не играютъ въ жизни особеннаго значенія: гораздо большее значеніе для дѣйствій и поступковъ имѣютъ тѣ нравственныя воззрѣнія, какія приняты въ окружающей средѣ и особенно у родителей. И для большинства людей эти воззрѣнія сдѣлались привычкой и играютъ главную роль въ ихъ жизни: имъ слѣдуютъ безъ всякаго разсужденія, не уклоняются отъ

нихъ, но за то и не имѣютъ никакого понятія о внутренней борьбѣ при искушеніяхъ: мысль о Богѣ и Его заповѣдяхъ здѣсь совершенно отсутствуетъ, и на первомъ планѣ стоитъ боязнь за дурныя дѣйствія и поступки, противорѣчащія пониманію окружающей среды, потерпѣть матеріальный ущербъ и судебное наказаніе. Какого-либо понятія о грѣхѣ въ современномъ протестантскомъ обществѣ совершенно нѣтъ: нѣтъ здѣсь также и помина о благочестіи и авторитетѣ: для девяти десятыхъ протестантскаго запада нѣтъ ничего святого и почтеннаго: все безгрѣшно, потому что естественно. И, въ силу этого, каждый стремится всѣми силами и средствами къ возможно большей мѣрѣ наслажденія жизнью и видитъ въ немъ высшее, единственно - прочное благо для жизни. Въ виду этого, о нравственной чистотѣ жизни не можетъ быть и рѣчи: совѣсть о плотскомъ половомъ грѣхѣ давнымъ давно вымерла; о ней напоминаетъ лишь гражданскій законъ своими массовыми приговорами за безнравственность, каковыя приговоры, впрочемъ, никого не устрашаютъ и ни капли не улучшаютъ сущность дѣла. Безчисленныя дѣтоубійства незаконныхъ дѣтей пестрятъ страницы газетъ всѣхъ направленій: дитя въ пониманіи большей части народа, безпомощный звѣрокъ, убить котораго не большее преступленіе, чѣмъ зарѣзать курицу или утку. Самый бракъ сдѣлался лишь удобной ширмой прикрыть плотскую разнузданность. И фактъ, что многіе мужья живутъ на счетъ торговли тѣломъ своихъ женъ, самое краснорѣчивое свидѣтельство этого. Не менѣе краснорѣчивое свидѣтельство и тотъ фактъ, что жена наказуется за безнравственность лишь въ томъ случаѣ, если ея безнравственность сопряжена съ матеріальнымъ ущербомъ для мужа. Лучшій отвѣтъ на вопросъ: „какими свойствами долженъ обладать хорошій человѣкъ“? несутъ отвѣты корреспондентовъ Раде, причемъ эти отвѣты могутъ быть сведены въ одну рубрику: „хорошій человѣкъ долженъ быть откровененъ, не коваренъ и не лѣнивъ, но прилеженъ и не пугливъ“. Вотъ весь кодексъ нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ къ хорошему протестанту! Какъ видится — онъ не особенно великъ и тяжелъ. Въ немъ даже не упоминается о честности и правдивости, да впрочемъ и упоминать излишне: это отжившія понятія, что особенно ясно сви-

дѣлствуетъ Гебгардъ¹⁾. „Ложь и нечестность для крестьянина вполне позволительны и законны, если чрезъ нихъ онъ избѣгаетъ матеріальнаго вреда, и подъ понятіе лжи по нуждѣ онъ подводитъ всякую неправду и словомъ и дѣломъ. Онъ накажетъ ребенка сильнѣе за разбитую тарелку, чѣмъ за безстыдную ложь,—мало этого, самъ поощряетъ ребенка ко лжи, когда внушаетъ ему при томъ или иномъ случаѣ, что не долженъ говорить правды, а долженъ сказать то-то и то-то“. И нужно признаться, что пресловутая нѣмецкая честность стала въ настоящее время притчей во языцѣхъ и стала близка къ честности еврея и цыгана, готоваго произнести какую угодно клятву, чтобы хотя на грошъ, но все же надуть покупателя.—Сознанія долга трудиться не для себя лишь лично, но и для общаго блага, мы напрасно будемъ искать въ нѣмецкомъ народѣ: объ этомъ здѣсь больше разсуждаютъ, чѣмъ дѣлаютъ, предоставляютъ кому угодно устранять общественныя бѣдствія, но сами не внесутъ въ это дѣло иной лепты, кромѣ случайно высказаннаго сожалѣнія. Такимъ образомъ, эта нѣмецкая добродѣтель, столь восхваляемая всюду, есть не болѣе какъ рѣчь о добродѣтели, а не сама она. Богатый и знатный человѣкъ скорѣе заплотитъ свои карточные долги, чѣмъ удѣлитъ отъ своего богатства хотя кроху для облегченія несчастія бѣдняка, скорѣе, въ стремленіи къ наслажденію, развратитъ и броситъ въ грязь порока несчастную служанку, чѣмъ протянетъ руку помощи, дабы выбрать изъ этого омута. Вообще, нужно признаться, что упадокъ нравственности и нравственныхъ воззрѣній въ нѣмецкомъ народѣ принялъ угрожающій характеръ и поражаетъ не только посторонняго изслѣдователя, но и лицъ близко стоящихъ къ народу и освѣдомленныхъ хорошо въ этомъ вопросѣ, какъ, наприм., пасторы, учителя и др.

Итакъ, картина религіозно-нравственнаго состоянія протестантскаго запада достаточно мрачна: всюду, начиная съ высшихъ классовъ и кончая низшими, царитъ невѣріе, вражда противъ христіанства, которой не знало прежнее время. Если еще кой-гдѣ и сохранились остатки вѣры, то эти мѣстности представляютъ лишь чрезвычайно малые оазисы во

---

¹⁾ Къ крестьянскому вѣро-и-правоученію стр. 87.

всеобщей пустынь невѣрія протестантскаго запада, такъ-какъ противохристіанское міровоззрѣніе быстро идетъ и распространяется даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ. Даже тѣ, кто выросъ въ началахъ вѣры, твердо воспитанъ въ ней родителями, въ нѣсколько недѣль теряютъ ее при соприкосновеніи съ волнами невѣрія въ большихъ городахъ, выбрасываютъ вѣру за бортъ и становятся рьяными безбожниками. Стоитъ лишь даже поверхностно присмотрѣться къ этому невѣрію, какъ невольно придутъ на память слова пророка Іереміи ¹⁾: „Пройде жатва, мимоиде лѣто, и мы нѣсмы спасени. Надъ сокрушеніемъ дщере людей моихъ сокрушенъ есмь, и скорбенъ. Во ужасъ объяша мя болѣзни, аки раждающія. Или ритіны нѣсть въ Галаадѣ; или врача нѣсть тамо; чесо ради нѣсть исцѣлена рана дщере людей моихъ“. Ахъ, много средствъ было примѣнено противъ этого недуга, но ни одно не оправдало тѣхъ ожиданій, какія возлагались на него. Много было и врачей противъ этого недуга, но и они не въ силахъ были исцѣлить эту язву протестантскаго запада. Какъ много ожидали отъ учрежденій „внутренней миссіи евангелической церкви“ ²⁾ полагали, болѣе, были увѣрены, что она исцѣлитъ язвы современности, поражающія народную жизнь, но ожиданія и остались ожиданіями, не смотря на устройство рабочихъ союзовъ, имѣющихъ цѣлью оберегать рабочихъ отъ невѣрія и утверждать въ христіанствѣ, не смотря на христіанско-соціальныя реформы, направленные противъ соціаль-демократіи, не смотря на школы, призванныя на службу протестантской церкви, не смотря на современную евангелизацію для оживленія вѣры въ сельскихъ общинахъ,—дѣло стало не только не лучше, но еще гораздо хуже: невѣріе выросло и пустило такіе корни, что ожидать его прекращенія невозможно; нравственность опустилась настолько, что къ ней примѣнимо воззрѣніе дикаря на добро и зло: „я укралъ чужую жену—хорошо: у меня украли жену—худо“. И тридцать первый конгрессъ внутренней миссіи, бывшій въ г. Ейзенахѣ въ сентябрѣ 1901 года, не нашелъ никакихъ иныхъ средствъ для борьбы

¹⁾ Іереміи, VIII. 20—22.

²⁾ См. І. Х. Вихернъ. „Внутренняя миссія нѣмецкой евангелической церкви“. Гамбургъ. 1889.

съ этимъ зломъ, какъ просить государство своею силою оказать поддержку евангелической церкви, т. е. проще говоря,—если опустить его рѣшеніе дѣйствовать на зло чрезъ женщинъ и діакониссъ въ качествѣ сестеръ милосердія,—обращать къ евангелической вѣрѣ и насаждать нравственность путемъ государственнаго насилія. Прекрасная мѣра, вполне достойная протестантизма съ его мнимой свободой вѣроисповѣданія!

Не помогли этому недугу и шарлатаны протестантизма, какъ Эгиди съ его тривиальнымъ и поверхностнымъ рационализмомъ, или какъ представители этической культуры, не принесшіе добра ни этикѣ, ни культурѣ, и представители арміи спасенія съ ихъ скоморошеской обстановкой. Болѣзнь невѣрія, уже вошла въ плоть и кровь протестантскаго запада и противъ нея трудно искать средствъ, порокъ нашель себѣ права гражданства на протестантскомъ западѣ, и ни церковь, ни законъ не въ состояніи остановить его.

Н. Писаревскій.

Веймаръ 1901 г.
